

Зима вступила в свои права незаметно. В начале десятого месяца по лунному календарю Сун Чжи отпросился у Мэн Хуаня на день, чтобы навестить Сю-нянь по случаю праздника Холодной одежды, и тот, не раздумывая, его отпустил.

В этот день, следуя древнему обычаю, люди отправлялись за город, чтобы привести в порядок могилы и почтить память предков.

Сун Чжи добрался до дома поздно вечером. В тусклом свете масляной лампы Сю-нянь ничего не заметила, и лишь утром разглядела на его лбу глубокую рану. Та уже затянулась корочкой, но все еще выглядела пугающе.

Женщина ахнула и только собралась засыпать его вопросами, как Сун Чжи поспешил солгать, будто оступился и ударился о порог.

— Неужто шрам останется? — сокрушалась Сю-нянь, с нежностью осматривая повреждение.

Сун Чжи лишь неопределенно хмыкнул.

«И почему всех так заботит, останется след или нет?» — пронеслось в его голове.

— Не останется, — вслух произнес он. — Хозяин дал мне отличное снадобье. Сказал, если пользоваться им, кожа станет как прежде.

Только тогда Сю-нянь немного успокоилась.

— Давай зажжем благовония в память о господине и госпоже. Я уже растопила печь. Когда Маньэр и Ачжу вернутся с кладбища, выпьем немного вина.

Сун Чжи молча кивнул.

Его отец, Сун Сювэнь, погиб при обороне города. От него не осталось даже костей, не было у него и кенотафа. Мать, Ли Ханьсу, встретила свою смерть от рук монголов во время бегства. Когда Чжан Хуэй подобрал Сун Чжи, тело его матери еще не успело остыть. По просьбе мальчика ее похоронили неподалеку, в простой безымянной могиле. За все годы жизни в Даду Сун Чжи так и не удалось навестить ее.

В этой старой хибаре, где зимой гуляли сквозняки, а в дождь протекала крыша, Сю-нянь нашла сухой уголок и установила там поминальные таблички супругов Сун.

Пока они совершали обряд, Сю-нянь вполголоса рассказывала Ли Ханьсу о последних новостях, словно та могла слышать ее.

— Госпожа, не тревожьтесь, молодой господин теперь при деле. Нашел богатого покровителя, жалованье хорошее. Он уже взрослый, а раз теперь и опора под ногами есть, я подумываю найти ему невесту.

Услышав это, Сун Чжи едва не перебил ее, но из почтения к памяти родителей сдержался. Когда обряд закончился, а Сю-нянь принялась подогреть на печи вино, он негромко произнес:

— Сю-нянь... не стоит спешить с женитьбой.

— Опять вы за свое, — мягко упрекнула она, решив, что он просто смущается. — Даже если не сейчас, через пару лет все равно придется. Я пока просто присмотрюсь.

К полудню вернулись Бай Маньэр с матерью.

По обычаю ханьцев, в праздник Холодной одежды полагалось накрывать стол и собираться у очага, готовясь к долгой зиме. Сю-нянь приготовила несколько нехитрых блюд и пригласила соседок к огню.

Бай Маньэр, которой исполнилось тринадцать, уже превратилась в прелестную девушку. Прежде живая и бойкая, после смерти отца она стала тихой. Сун Чжи, видевший, как она растет, невольно сочувствовал ее горю.

Однако с ним Маньэр оставалась прежней: все так же послушно звала «Лань-ге» и ловила каждое его слово. Перед уходом Бай Ачжу велела дочери подарить Сун Чжи вышитый кисет.

Намек был более чем прозрачным. Сю-нянь украдкой взглянула на воспитанника, ожидая его реакции, но тот, похоже, даже не понял подтекста. Он лишь ласково потрепал девочку по волосам и, достав кисть, тут же набросал ее портрет в подарок.

— Будь умницей, Маньэр. Скоро ударят морозы, Лань-ге купит тебе новую теплую кофту, — пообещал он тоном, каким обычно утешают малых детей.

Сю-нянь и Бай Ачжу обменялись многозначительными взглядами. Было и смешно, и немного грустно.

На следующее утро Сун Чжи вернулся в поместье Мэн.

Мэн Хуань практиковался в стрельбе. Маленькая мишень стояла в сотне шагов. Генерал натянул тетиву и, почти не целясь, выпустил стрелу. Острый наконечник со свистом рассек

воздух и вонзился точно в «бычий глаз».

Мэн Хуань довольно ухмыльнулся. После ранения в Японии его правая рука долго не слушалась, но теперь былая сила вернулась. Весной он снова сможет отправиться на войну.

Сун Чжи, наблюдавший за ним, невольно восхитился. Он знал, что Мэн Хуань — мастер клинка, но не ожидал, что тот столь же искусен и в стрельбе из лука.

Почувствовав чужой взгляд, Мэн Хуань обернулся.

— Вернулся?

Сун Чжи кивнул и, решив проявить вежливость, искренне похвалил:

— У вас блестящее мастерство, молодой господин!

— Это пустяки, — усмехнулся Мэн Хуань. — Через пару дней в дворцовом саду устроят стрельбы. Хочешь пойти со мной?

Он имел в виду — посмотреть, но Сун Чжи испуганно округлил глаза:

— Но я не умею охотиться.

Мэн Хуань осекся, и его скверный нрав тут же дал о себе знать.

— Даже Чомань это умеет. Ты — мужчина, и не можешь натянуть лук?

— Моя семья была бедна, — просто ответил Сун Чжи. — У нас не было лошадей.

Мэн Хуань помрачнел, интерес к разговору мгновенно испарился.

— Раз не умеешь, так и нечего там делать. Сиди в поместье и не смей никуда уходить.

— Слушаюсь.

Мягкий свет зимнего солнца падал на Сун Чжи, подчеркивая его худобу. Тот казался совсем хрупким в своей легкой одежде. Мэн Хуань недовольно нахмурился:

— В моем доме тебя что, совсем не кормят?

— Кормят, конечно!

Генерал указал на его предплечье:

— Твои руки... тоньше, чем у Салань.

Салань была любимой наложницей Мэн Хуаня, госпожой Ацилы. Услышав такое сравнение, Сун Чжи вспыхнул от гнева:

— Госпожа Салань живет в неге и довольстве, куда нам, слугам, до нее.

— Даже у Цино руки крепче, — продолжал издеваться Мэн Хуань.

Цино, не желавший, чтобы его сравнивали с ханьцем, обиженно протянул:

— Молодой господин!

Мэн Хуань рассмеялся, отдал лук слуге и скомандовал Сун Чжи:

— Ступай в кабинет, будем писать.

Пока Мэн Хуань уходил переодеться после тренировки, Сун Чжи ждал его среди книг. Прошло больше часа, прежде чем хозяин явился. Сун Чжи к тому времени уже всю листал одну из рукописей с пометками генерала.

— Что читаешь? — раздался над самым ухом голос Мэн Хуаня. Тот подошел так тихо, что Сун Чжи вздрогнул и выронил книгу.

Мэн Хуань ловко подхватил ее.

— Тут нет ничего запрещенного... Чего ты так перепугался? Неужто я такой страшный?

В Даду сейчас было беспокойно: ходили слухи, что император вот-вот прикажет сжечь «еретические» даосские трактаты.

Мэн Хуань с его резкими чертами и прямым носом всегда казался Сун Чжи пугающе властным. Даже аромат благовоний после купания не мог скрыть исходящую от него ауру опасного хищника.

Сун Чжи попятился, собираясь что-то ответить, как вдруг замер. На шее генерала красовалась

отчетливая багровая отметина.

Сун Чжи вел жизнь почти монашескую, не посещал борделей и не держал наложниц, но он не был наивным ребенком. Вспомнив, как долго Мэн Хуань «принимал ванну», он мгновенно понял происхождение следа. Он густо покраснел.

— Н-нет... совсем не страшно, — выдавил он.

Мэн Хуань не заметил его смущения.

— Наследный принц просил меня не зарывать твой талант в землю. Если хочешь что-то прочесть — бери любую книгу. Если здесь нет нужной — купи сам или вели слугам принести. О деньгах не беспокойся, если не хватит — спроси у управляющего.

— Б-благодарю, молодой господин, — заикаясь, пробормотал Сун Чжи.

Мэн Хуань прищурился:

— С чего это ты так покраснел?

— Вовсе нет! — Сун Чжи поспешно отвел взгляд.

Генерала это явно позабавило. Он разложил бумагу и заметил:

— Сегодня я припозднился. — Он коснулся отметины на шее, оставленной Салань, и с лукавой усмешкой добавил: — Неужто вы и вправду столь целомудренны, господин Сун?

Сун Чжи готов был сквозь землю провалиться.

К счастью, Мэн Хуань перестал его дразнить и взялся за кисть. Он копировал стиль Янь, тяжелый и величественный. Глядя на то, как сосредоточенно работает этот воин, Сун Чжи почувствовал, как напряжение уходит. В такие минуты Мэн Хуань казался ему почти понятным.

В день охоты Сун Чжи получил неожиданный выходной. Он закончил картину, которую обещал Ци Люйцяню, и отправился к нему в переулок Лихуа квартала Сычэн.

Люйцянь, служивший в Тайшицзю, не владел ни мечом, ни луком, а потому остался дома. Он уже ждал друга, потирая руки от нетерпения.

— Скорее, показывай! — воскликнул он, едва Сун Чжи переступил порог.

— К чему такая спешка? Картина при мне, никуда не улетит, — рассмеялся Сун Чжи, протягивая свиток.

Люйцянь развернул бумагу. На картине оживали осенние поля: вдали тянулись горные хребты, курились дымки далеких очагов, а на переднем плане пышно цвели золотые хризантемы. Лепестки, выписанные с невероятной точностью, казались живыми — каждый изгиб, каждая тень были на своих местах. Мазки казались небрежными, но в этой легкости чувствовалась рука истинного мастера.

— Великолепно! Просто изумительно! — выдохнул Люйцянь, не в силах оторвать взгляда от шелка. — Цзилань, твоё мастерство растёт день от дня!

Он хлопнул друга по плечу и рассмеялся:

— Не зря говорят — господин Сун мастер своего дела!

— Полно тебе, Бохэн, ты преувеличиваешь, — скромно улыбнулся Сун Чжи.

— Ничуть! Это чистая правда.

Люйцянь усадил друга за стол, продолжая рассматривать подарок.

— Но скажи мне, Цзилань, почему именно хризантемы? Зима ведь на пороге, в Даду они давно отцвели.

Вопрос был самым обычным, но Сун Чжи вдруг замялся, не зная, что ответить.

<http://bllate.org/book/17487/1694632>